

DOI: 10.15372/HSS20170404
УДК 352.071(571.5)(091)

М. М. ПЛОТНИКОВА

СОСТАВЫ ГОРОДСКИХ ДУМ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.

Иркутский государственный университет,
РФ, 664007, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 6

В центре внимания автора находятся составы городских дум Иркутска, Красноярска и Енисейска в конце XVIII – начале XIX вв., а также особенности их формирования. Был проведен анализ законодательства Российской империи указанного периода и компаративный анализ практики городского самоуправления в Иркутске, Красноярске и Енисейске. Автор обращает внимание на расхождения между законодательством и сложившейся практикой городского самоуправления сибирских городов. Сибирские городские думы сформировались по-разному. В губернском Иркутске получилась комбинация из предлагаемой законодателем шестигласной и общей дум. Красноярское градское общество не стало выбирать гласных в свою думу. При Красноярской думе состояли городской голова, два депутата к составлению городского обывательского списка, нотариус для протеста векселей, маклер, сборщик денег за перевоз и для сбора подушной и других повинностей. В Енисейске общая дума постепенно стала исполнительным органом, т.е. шестигласной думой.

В сибирских городах малочисленность «посадского населения» не позволила сформировать две полноценные думы, согласно законодательству, поэтому в итоге получилась одна, но с числом гласных больше шести.

Ключевые слова: городские думы, Иркутск, Красноярск, Енисейск, конец XVIII – начало XIX вв., компаративный анализ, практика городского самоуправления, особенности формирования городских дум.

M.M. PLOTNIKOVA

THE COMPOSITION OF THE CITY DUMAS OF EAST SIBERIA IN THE LATE XVIII – EARLY XIX CENTURIES

Irkutsk State University,
6 Ulan-Batorskaya str., Irkutsk, 664082, Russia

Problems of modern urbanization stimulate an increased interest of researchers to the urban history. Studying local municipal practices represents the Russian Empire's history in its regional aspect. Siberia was the Russian Empire periphery in the late XVIII – early XIX centuries. The implementation of administrative and municipal reforms of Catherine II coincided with the time of its administrative-territorial development.

The article objective is to carry out comparative analysis of the municipal dumas' composition in Irkutsk, Krasnoyarsk and Yeniseisk in the late XVIII – early XIX centuries, which appeared due to « Charter to the Towns » of 1785. The author has studied the legislation of this period, the practice of municipal self-government of Irkutsk, Krasnoyarsk and Yeniseisk based on three Siberian archives. Most of archival materials have been introduced into scientific discourse for the first time. The comparative analysis is applied to study East and West Siberian cities.

In the Russian Empire Dumas were opened at different times after publishing the «Charter to the Towns». Irkutsk Duma was created in 1787, Yeniseisk Duma - in 1789, and Krasnoyarsk Duma – in 1804. The Duma reflected the cities' social structure (which were different in each city), the effect of various social groups on the local communities, and showed the level of urban development.

In Yeniseisk the service people along with merchants played an important role in the city, so they entered the general municipal Duma. In Krasnoyarsk the petty bourgeois became one of the leading social groups in the city, so they were candidates in the city mayors because merchants were few. In Irkutsk merchant class occupied a key position, and it was the mayor who selected six members of the Duma six-membered structure without contradicting legislation.

The small number of «urban population» did not allow forming two fully functional Dumas in the Siberian cities. So only one Duma was formed, but it had more than six deputies. The article emphasizes that in 1822 this practice was changed by M. M. Speransky's Siberian reform.

Key words: municipal dumas, Irkutsk, Krasnoyarsk, Yeniseysk, late XVIII – early XIX centuries, comparative analysis, practice of municipal self-government, specifics of municipal dumas' reforming.

Мария Михайловна Плотникова – канд. ист. наук, доцент, Иркутский государственный университет, e-mail: someforme@yandex.ru.
Maria Mikhailovna Plotnikova – Candidate of Historical Science, Associate Professor, Irkutsk State University.

На территории Российской империи в силу ее огромной географической протяженности до введения Городового положения 1785 г. сосуществовало несколько форм городского самоуправления: в Малороссии и на юго-западе империи – магдебургское право, в Остзейском крае – муниципальный порядок городских учреждений Германии, в центральной части Российской империи города управлялись «на старых началах двойной магистратско-губернаторской системы» [1, с. 22]. Сибирь в это время была окраиной Российской империи, и проведение екатерининских административных и городских реформ совпало со временем ее территориально-административного устройства.

В русской дореволюционной историографии, посвященной изучению екатерининских дум, утвердилась точка зрения А.А. Кизеветтера, согласно которой «прекрасные идеи, рассыпанные по законодательным памятникам екатерининского царствования, оставили так мало ощутительных следов в практике жизненных отношений» [2, с. 102]. Современные исследователи, изучающие данный период, солидарны с ним. Например, Л.Ф. Писарькова полагает, что основные начала Жалованной грамоты городам остались в значительной степени бумажной декларацией [3, с. 48], а М. Лавринович считает, что «социальное законодательство екатерининской эпохи было, как и многие законодательные акты эпохи Просвещения, продуктом не столько реальности, сколько представлений о том, какой она должна быть» [4, с. 120].

Этот обозначенный разными исследователями разрыв между существовавшей в тот период практикой городов Российской империи и принятым законодательством нашел свое выражение в наличии разных форм городского самоуправления в конце XVIII – начале XIX вв. Автор использует метод моделирования и выделяет несколько моделей для описания разных форм самоуправления в практике восточносибирских городов в указанный период.

Благодаря Жалованной грамоте городам в 1785 г. появилась новая модель городского общественного управления – «градская дума». Однако наряду с ней в Восточной Сибири в конце XVIII в. существовали и другие модели: мещанский староста, подотчетный «градской думе» губернского города (Нижеудинск); городской голова, подотчетный коронной администрации (Красноярск); ратуша (Киренск); городской голова и магистрат, управляющий городским хозяйством (Верхнеудинск, Нерчинск) [5, с. 118].

После введения Городового положения 1785 г. только в трех городах Восточной Сибири были сформированы городские думы – в Иркутске, Красноярске и Енисейске. Думы этих городов и стали объектом исследования настоящей статьи. Практика городского самоуправления изучалась автором на основе материалов Государственного архива Иркутской области (ГАИО), Государственного архива Красноярского края (ГАКК), Государственного архива Томской области (ГАТО). Большинство документов из этих архивов, ка-

сающихся практики городского самоуправления, вводятся впервые в сибирскую историографию.

Отметим, что в ГАКК все сохранившиеся документы Енисейской градской думы конца XVIII в. объединены в одно дело, а летопись А.И. Кытманова, являющаяся главным источником по истории г. Енисейска, была опубликована только в конце 2016 г.¹ В ГАТО отсутствуют документы Енисейской градской думы, но сохранились некоторые ее рапорты, написанные для Томского губернского правительства в начале XIX в.

Одним из методов анализа деятельности городских дум Восточной Сибири был выбран сравнительный анализ, при помощи которого выявлялись индивидуальные черты городского самоуправления, особенности местной специфики и общие тенденции развития.

Тема городского самоуправления пользуется большой популярностью у сибирских исследователей, наблюдается некоторый исследовательский бум в урбанистике середины XIX – начала XX вв. Среди большинства этих работ необходимо отметить книгу «История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века» под редакцией М.В. Шиловского [6]. В ней обобщены результаты, достигнутые в изучении сибирского самоуправления в советский период, даны некоторые характеристики предыдущего периода, а также обозначено проблемное поле для будущего изучения указанной темы.

Современные региональные урбанисты не рассматривают деятельность ни Иркутской, ни Красноярской, ни Енисейской градских дум конца XVIII – начала XIX вв. Иркутский историк В.П. Шахеров в своих работах пишет в целом об организации городского самоуправления Байкальской Сибири в указанный период, не останавливаясь подробно на работе Иркутской градской думы [7; 8]. Особо отметим вклад красноярского исследователя Г.Ф. Быкони в публикацию документов, посвященных дореволюционной истории Красноярска, в том числе Красноярской городской думы [9]. Вместе с тем деятельность самой думы осталась вне сферы его интересов.

Строго говоря, изучением составов городских дум Сибири целенаправленно занималась только В.В. Рабцевич, написавшая книгу «Сибирский город в дореформенной системе управления» [10]. Эта работа содержит большое количество архивных данных о составе городских дум городов как Западной, так и Восточной Сибири. Однако и Красноярск, и Иркутск представлены в ней фрагментарно. Например, В.В. Рабцевич пишет, что «в Красноярске городской думы в 1795 г. еще не было, а в 1828 г. в ее присутствии не редко заседали лишь городской голова и два гласных» [10, с. 145]. Автор настоящей статьи расширяет представление о деятельности и составе Красно-

¹ Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Турханского края Енисейской губернии 1594–1893 год. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016.

ярской градской думы, начавшей свою работу только в 1804 г.

В.В. Буланков в своей кандидатской диссертации «Позднефеодальный сибирский город (население и хозяйство Енисейска 1724–1822 гг.)» [11], единственной на сегодняшний день комплексной работе, посвященной истории Енисейска данного периода, делал попытку реконструировать обывательскую книгу Енисейска конца XVIII в. Благодаря этому можно проанализировать социальный состав Енисейской градской думы.

Следует отметить книгу Г.Ф. Быкони, Е.В. Комлевой, А.И. Погребняк «Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.)» [12], в которой приведены биографические сведения не только о енисейском, но и красноярском купечестве. Биографический справочник иркутских исследователей А.В. Петрова и М.М. Плотниковой посвящен гласным Иркутской городской думы с 1787 по 2014 г. [13]. Информация из этих исследований использовалась для анализа городских дум Енисейска, Красноярска и Иркутска. Составы Иркутской городской думы с 1787 по 1819 г. и сведения, которые удалось собрать по гласным думы, были опубликованы в монографии автора данной статьи «Формирование коллективной идентичности в городах Восточной Сибири в конце XVIII – начале XIX вв.» [14].

В Москве и Санкт-Петербурге городские думы были созданы в январе 1786 г. А.А. Кизеветтер отмечает, что в губернских городах открытие градских дум состоялось не ранее 1787 г. Таким образом, даты основания дум оказались различными в разных городах Российской империи. В Иркутске торжественное открытие думы состоялось 1 января 1787 г. Купечество дало «великолепный обед для всех чинов города и граждан, а к вечеру был бал с маскарадом и пушечной пальбою»². В Енисейске градская дума была открыта в 1789 г., в Красноярске – в 1804 г.

Согласно Жалованной грамоте городам следовало выбрать две думы – общую и шестигласную. Шестигласная дума состояла из городского головы и шести депутатов, каждый из них должен был представлять по одному разряду городского населения – настоящих городских обывателей, именитых граждан, посадских, цеховых ремесленников, гильдейское купечество, иностранных и иногородних купцов. Дума была исполнительным городским учреждением, осуществляла заведывание и управление городским хозяйством, действовала постоянно, собиралась еженедельно.

Общая градская дума являлась собранием представителей от всех шести разрядов городского общества. Городские обыватели и посадские распределялись по территориальным городским участкам, гильдейские купцы голосовали по гильдиям, цеховые – по цехам, иностранные и иногородние гости – по нациям, именитые граждане – по семи названиям, перечисленным в Жалованной грамоте городам, независимо

² Иркутская летопись // Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова. Иркутск, 1911. С. 116.

от имущественного ценза, установленного для участия в собраниях градского общества. Таким образом, общее количество гласных в общей градской думе определяло количество полицейских частей в городе, количество организованных цехов и именитых граждан. Оно было разным в разных городах. Например, в Московской общей градской думе насчитывалось 79 чел. [15, с. 355], а в Иркутской – 20 чел.³

Подчеркнем, что законодателем изначально предполагалось, что в столицах и других городах империи будут разные формы городского самоуправления. Согласно Жалованной грамоте городам на собраниях городского общества могли присутствовать все члены городского общества, но право голоса и пассивное избирательное право имели только лица, достигшие 25-летнего возраста и обладавшие капиталом, проценты с которого составляли не менее 50 руб.⁴ Это означало, что выбирать и баллотироваться на выборные должности могли горожане, которые объявляли капитал не ниже 5000 руб. и платили ежегодный налог 1 % с объявленного капитала. Этому требованию соответствовали купцы 1-й и 2-й гильдий. Именно они должны были проводить выборы заседателей магистрата и словесного суда, старост и депутатов для составления городской обывательской книги. Интересно, что была сделана оговорка, что «где капиталов нет, там дозволяется и меньше капитал имеющим голос иметь и таковых же избирать».

Например, в губернском Иркутске в 1789 г. купцов 1-й и 2-й гильдии имелось всего 16 чел., которые согласно законодательству, могли выбирать и быть избранными, здесь купцы 3-й гильдии также избирались в гласные Иркутской градской думы. Кроме того, при выборах в Городовой магистрат, заседателей и словесный суды «полного числа из купцов за разездом по торгу и промыслу быть в тех кандидатах недостаточно, и что мещане находят в своем сорте людей достоинства имеющих и способных в каждом присутствии быть, потому и от них кандидаты представлень»⁵. В Красноярске также купцы 2-й и 3-й гильдий были городскими головами в силу того, что купцов 1-й гильдии не было в городе, а 2-й гильдии – только 3 чел. в 1795 г. [16, с. 52]. В городские головы Красноярска баллотировались даже мещане⁶. В Енисейске в 1793 г. также не было купцов 1-й гильдии, а купцов 2-й гильдии имелось 9 чел. [11, с. 250–251].

Сибирские городские думы формировались по-разному. В.В. Рабцевич отмечает, что «анализ состава городских органов 80–90-х гг. XVIII в. дает возможность представить тот разный, который царил

³ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 354 об.

⁴ Грамота на права и выгоды городам Российской империи 21 апреля 1785 г. // История самоуправления Иркутска: от Екатерины Великой до Медведева. Иркутск: Отгиск, 2008. С. 104.

⁵ ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 110. Л. 27.

⁶ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 173. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 40.

на местах в истолковании смысла Городового положения. Наряду с горожанами, признанными формально по записи в городской обывательской книге, в состав выборных органов были включены представители от дворян, новокрещенных и ясачных аборигенов, кое-где даже и государственных крестьян, т.е. фактически от всех горожан» [10, с. 142].

Несомненно, самым близким к модели городского самоуправления, предложенной «Жалованной грамотой городам, среди восточносибирских городов являлось иркутское самоуправление. В 1787 г. в губернском Иркутске было выбрано 20 гласных в общую «городовую» думу и шесть – в шестигласную. В думе должно быть представлено шесть разрядов населения: купцы, мещане, городские обыватели, именитые граждане, иногородние купцы и ремесленники. Поскольку в Иркутске не было именитых граждан, а иногородних купцов записалось всего 6 чел., в Иркутской городской думе оказались представлены только купцы, мещане и ремесленники, причем последних было большинство, согласно количеству цехов в городе. В Общей градской думе Иркутска в 1790–1792 гг. были представлены иконописный, серебряный, медный, резной, портной, сапожный, плотничный, каменный, лосиный, маркитанский (закуп скота), рыбопромышленный, кузнечный, шерстобитный и кожевенный цехи⁷.

Однако вскоре выяснилось, что многие гласные от ремесленных управ не способны были вести хозяйственные дела в думе по причине неграмотности. Уже в 1794 г. состоялись первые перевыборы, когда вместо одних гласных от цеховых были избраны другие. В 1798 г. от ремесленных управ было избрано уже всего четверо гласных, в 1819 г. – двое. С 1805 г. в Иркутской городской думе появился гласный от иногородних купцов. В 1819 г. в Иркутскую городскую думу были выбраны двое купцов, трое мещан, двое ремесленников и представитель от иногородних купцов, итого восемь гласных [17, с. 35]. Другими словами, практика городского самоуправления в губернском Иркутске сформировала своеобразный сибирский «симбиоз» из предлагаемой законодателем шестигласной и общей думы.

Отметим, что В.П. Шахеров в своих работах, в том числе в докторской диссертации, неоднократно писал, что при выборах в первую городскую думу г. Иркутска была допущена серьезная ошибка – вместо шести гласных было избрано 20: по два человека от купцов, настоящих обывателей и посадских, 14 представителей от цеховых (по одному от каждого цеха). В феврале 1787 г. состоялись перевыборы, и дума приступила к работе [7, с. 56].

На самом деле в феврале состоялись не перевыборы, а довыборы в Иркутскую шестигласную думу. Сначала в губернском Иркутске было избрано 20 гласных в Иркутскую общую городскую думу. 19 февраля 1787 г. в журнале Иркутской городской думы за под-

писью городского головы М.В. Сибирякова было записано: «вместо иногородних и именитых двух голосов, дабы от исполнения высочайшего предписания не удалится и по наименованию шестигласной то самое число голосов в заседании было наполнить из настоящих граждан и ремесленников по одному, и кто выбраны будут[,] тем в заседание в шестигласной думе в назначенные времена иногда сверх того нужна потребует быть»⁸. В этот же день состоялся выбор из гласных Общей городской думы в шестигласную на основе баллот. К наполнению шести голосов были выбраны двое от настоящих городских обывателей – Андрей Исаев и Петр Попов⁹. Таким образом, согласно архивным документам никаких перевыборов в 1787 г. не было. Выбранная в первый раз согласно Жалованной грамоте городам 1785 г. Иркутская городская дума в лице своего городского головы приняла решение – вместо именитых граждан и иногородних купцов в шестигласную думу выбрать еще по одному гласному из городских обывателей и ремесленников.

В конце XVIII в. городское самоуправление в Красноярске возглавлял городской голова, который писал отчеты о городских расходах и доходах губернатору и в Казенную палату, по «не открытию думы в Красноярске»¹⁰. Должность городского головы была введена еще в 1766 г. для подготовки городского наказа и выборов депутата в Комиссию для сочинения проекта нового уложения. Городские головы продолжали избираться и после закрытия Уложенной комиссии. Выборы проводились через два, а с 1775 г. через три года.

В 1803 г. сибирский генерал-губернатор И.О. Селифонтов уведомил тобольского губернатора Б.А. Гермеса о предоставлении ему ведомости о доходах и расходах Красноярска по форме, предложенной министром внутренних дел В.П. Кочубеем¹¹. Тобольский губернатор предложил в свою очередь Красноярскому городскому магистрату и городскому голове составить ведомость о городских расходах и доходах за 1803 г. по данной форме. Бюрократическая по своему характеру, эта форма требовала много времени для заполнения и отличалась от отчета о городских расходах и доходах, представляемого городским головой. В апреле 1804 г. тобольский губернатор Б.А. Гермес обращался с этим предложением к Красноярскому городскому магистрату и городскому голове, а 27 июля 1804 г. томский гражданский губернатор обращался уже к Красноярской городской думе с предложением доставить ему ведомость о приходах и расходах города для составления штата полиции¹². Таким образом, Красноярская городская дума была открыта лишь в 1804 г.

Необходимо отметить, что в феврале 1804 г. Тобольская губерния «по великому пространству и неудобству в ее управлении от этого происходящем», была

⁸ ГАИО. Ф. 70. Оп.1. Ед. хр. 2а. Л. 12 об.

⁹ Там же. Л. 14.

¹⁰ ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 25.

¹¹ Там же. Л. 43.

¹² Там же Л. 47.

⁷ ГАИО. Ф. 70. Оп.1. Ед. хр. 54. Л. 74.

разделена на две, была учреждена Томская губерния. Она стала подчиняться распоряжению и наблюдению генерал-губернатора Тобольского и Иркутского, по поводу чего ему были даны особенные инструкции¹³. Красноярск, как и Енисейск, стал уездным городом Томской губернии. Вероятнее всего, это административное решение и определило открытие думы в Красноярске.

Обратим внимание на особенности городской думы в уездном Красноярске. Поскольку «красноярское мещанское общество оставалось большею частью расположенное жительство по округе»¹⁴, а купечество было малочисленным (в 1799 г. общая сумма объявленных капиталов составила всего 17 тыс. руб.) [9, с. 9], то красноярское городское общество не стало выбирать гласных в Красноярскую думу. Кроме городского головы выбирались два депутата к составлению городского обывательского списка, нотариус для протеста векселей, маклер, сборщик денег за перевоз и для сбора подушной и других повинностей¹⁵. С 1809 г. выбирался депутат в квартирную комиссию.

Таким образом, красноярское городское общество, состоящее из купцов и мещан, разделило обязанности гласных на составные части и для каждой из них выбрало ответственного. Такое решение позволяло избранным на эти службы не находиться постоянно при думе, а исполнять свои обязанности тогда, когда в этом была необходимость. Получился своеобразный промежуточный вариант – между тем, как было прописано в Жалованной грамоте городам, и тем, как это было приемлемо для городского общества Красноярска в начале XIX в. Подчеркнем еще одну особенность: поселенческое общество и еврейское общество избирали от себя кандидатов в десятичники, рассыльщики и караульные, а также к сбору всех повинностей¹⁶.

В 1789 г. в Енисейске была выбрана градская дума, состоящая из общей и шестигласной дум. Анализ ее состава затруднен тем, что сохранилось мало документов Енисейской градской думы. Выше уже говорилось о том, что в шестигласной думе должно быть представлено шесть разрядов населения: купцы, мещане, городские обыватели, именитые граждане, иногородние купцы и ремесленники. Благодаря летописи А.И. Кытманова¹⁷, в которой содержатся фамилии четырех первых составов гласных Енисейской думы, и немногим сохранившимся документам Енисейской городской думы в ГАКК, а также попытке В.В. Буланкова реконструировать обывательскую книгу Енисейска конца XVIII в., нам удалось установить, что в шестигласную думу Енисейска входили

ли купцы, мещане, ремесленники и «местные служилые».

В.В. Буланков считает, что «предками более половины енисейских старожиловских купеческих семей были представители местных служилых, которые в XVII – начале XVIII вв. во многих сибирских городах играли значительную роль в торговле» [11, с. 60]. Именно такие местные служилые представляли городских обывателей в Енисейской шестигласной думе. В.В. Рабцевич отмечает, что через представителей от городских обывателей в думы попадали любые домовладельцы [10, с. 143]. Однако в губернском Иркутске и от городских обывателей избирали только купцов и мещан.

Исходя из практики Иркутской общей градской думы, где большинство составляли ремесленники, представлявшие цехи, существующие в городе, можно предположить, что в общей думе Енисейска был такой же принцип. Енисейская администрация подала в Тобольск в 1789 г. список ремесленников, которые были объединены в цехи столяров и резчиков, плотников, каменщиков и кирпичников, всего 111 чел. В Енисейске существовало еще 17 ремесленных специальностей, по которым не было установлено цехов или управ [11, с. 125]. Однако не ясно, только цехи входили в общую думу Енисейска или были еще представители от других ремесленников.

В отличие от восточносибирского губернского Иркутска, где городской голова решил, каких представителей нужно выбрать в думу, чтобы «не отойти» от законодательства, в западносибирских городах модель общей думы была предложена наместническим правлением. Западносибирский губернский Тобольск разделен на пять частей и соответственно пять депутатов от «настоящих городских обывателей» должно быть представлено в общей думе. Кроме того, представители 20 цехов, имевшихся в городе, 5 представителей от мещан и 8 гласных от местных и иногородних купцов. Однако по приказу наместнического правления в октябре 1788 г. Тобольская общая дума была сформирована на началах равного представительства от каждого сословия домовладельцев: по два депутата от лиц духовного ведомства, отставных, а также служащих военных и штатских чиновников, от нижних чинов, ямщиков, новокрещенных татар и по два – от купцов, мещан и цеховых [10, с. 140].

В общей думе западносибирского уездного города Тары также заседали по одному депутату от духовенства, военных, чиновников, казаков, ямщиков, ясачных татар, бухарцев и по два представителя – от купцов, цеховых, мещан и государственных крестьян. Позже были еще введены старшины от ремесленных цехов [18, с. 98]. В губернском Томске первоначально сложился другой состав общей градской думы: в нее входили, кроме городского головы, еще 10 гласных¹⁸, четверо из них были представителями купцов, а ше-

¹³ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб., 1908. Т. 28, № 21183.

¹⁴ ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 29.

¹⁵ Там же. Л. 49–50.

¹⁶ Там же. Л. 68–69.

¹⁷ Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Турханского края Енисейской губернии 1594–1893 год.

¹⁸ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 127. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 3.

стеро – мещан¹⁹. Подчеркнем, такую интересную деталь – гласные подписывали документы следующим образом: «гласный от гильдейцев такой-то», «гласный от мещан такой-то», что очень облегчает исследовательскую работу. В 1792 г. в состав Томской общей думы уже вошли по два депутата от всех категорий жителей, зафиксированных в обывательской книге. В числе гласных оказались выборные от крестьян, бурхарцев и татар, за что томская администрация получила выговор от наместнического правления, так как эти категории населения не относились к городским жителям [10, с. 140–141].

На основании анализа сохранившихся документов Енисейской думы²⁰ можно утверждать, что енисейский вариант общей думы был близок первоначальному томскому варианту. Разница состояла лишь в том, что общая Енисейская дума постепенно стала исполнительным органом, т.е. шестигласной думой. Например, в 1795 г. енисейский городничий Евсеев обращался именно к Енисейской градской общей думе²¹. Если бы в Енисейске существовали и шестигласная, и общая думы, городничий писал бы в исполнительный орган городского самоуправления, т.е. в шестигласную думу. В.В. Рабцевич также отмечает, что орган, называвший себя Енисейской общей думой, «фактически был думой шестигласной» [10, с. 139].

Итак, городские думы в Российской империи после издания Жалованной грамоты городам были открыты в разное время: сначала в столичных городах – Санкт-Петербурге и Москве, затем – в губернских и некоторых уездных городах. В Восточной Сибири были сформированы Иркутская градская дума в 1787 г., Енисейская градская дума в 1789 г. и Красноярская градская дума в 1804 г.

Состав думы отражал городскую социальную структуру, которая была разной в каждом городе, позволял проследить влияние в городе той или иной социальной группы на местное сообщество, уровень городского развития. Например, в Енисейске служилые люди наряду с купцами играли не последнюю роль в городской жизни, поэтому они вошли в состав общей градской думы. В Красноярске мещане стали одной из ведущих социальных групп, что позволило им даже баллотироваться в городские головы, так как купцов здесь было немного. В Иркутске купечество занимало ключевые позиции, и именно городской голова решил, какой по составу будет шестигласная дума и чтобы этот состав не противоречил законодательству.

В сибирских городах малочисленность «посадского населения» не позволила сформировать две полноценные думы, поэтому в итоге была создана одна, но с числом гласных больше шести. Подчеркнем, что в 1822 г. эта практика была изменена реформой М.М. Сперанского, согласно которой в думы

сибирских городов необходимо было выбрать двух, трех или четырех гласных, смотря по размерам города и по назначению Главного управления.

Таким образом, реформа М.М. Сперанского отменила общие думы для сибирских городов и оптимизировала количество гласных городских дум. В Иркутске стали избирать пять гласных – по двое от купечества и мещан, один – от цеховых, в Красноярске – городская дума состояла из городского головы и двоих гласных, в Енисейске – из городского головы и троих гласных. В Сибири городское управление было реформировано благодаря реформе М. М. Сперанского в 1822 г., тогда как в других городах Российской империи, за исключением Санкт-Петербурга и Москвы, преобразования стали происходить позднее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дитятин И.И. Столетие С.-Петербургского городского общества 1775–1885 гг. / изд. по постановлению С.-Петербургской городской думы в память дня 21 апреля 1785 г. СПб.: Типография Шредера, 1885. 403 с.
2. Кизеветтер А.А. Местное самоуправление в России в IX–XIX столетиях: исторический очерк. М.: Задруга, 1917. 120 с.
3. Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума. М.: Новый хронограф: АИРО-XXI, 2010. 752 с.
4. Лавринович М. Создание социальных основ империи в XVIII веке: законодательные практики в отношении городского населения России и их западноевропейские источники // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 117–136.
5. Дамешек Л.М., Плотникова М.М. Модели городского самоуправления в Восточной Сибири в конце XVIII – первой четверти XIX в. // *Вестн. Том. гос. ун-та*. 2015. № 394. С. 114–120.
6. История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века / К.А. Анкушева и др.; отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск: Сова, 2006. 352 с.
7. Шахеров В.П. Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. 256 с.
8. Шахеров В.П. Социокультурные процессы в городской среде Байкальской Сибири XVIII – первой половины XIX в. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2013. 256 с.
9. Быконя Г.Ф. Красноярск в первой половине XIX в. // *Город у Красного яра. Документы и материалы. Первая половина XIX века*. Красноярск, 1986. С. 5–22.
10. Рабцевич В.В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск: Наука, 1984. 197 с.
11. Буланков В.В. Позднефеодальный сибирский город (население и хозяйство Енисейска 1724–1822 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 1998. 277 с.
12. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.). / Г.Ф. Быконя, Е.В. Комлева, А.И. Погребняк, отв. ред. Ю.Л. Александров. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 316 с.
13. Петров А.В., Плотникова М.М. Иркутская дума: городские головы, гласные и депутаты. 1787–2014: Биограф. справочник. Иркутск: Отгиск, 2014. 448 с.
14. Плотникова М.М. Формирование коллективной идентичности в городах Восточной Сибири в конце XVIII – начале XIX вв. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2014. 191 с.
15. Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II 1785 г. Опыт исторического комментария. М.: Типография Имп. Моск. ун-та, 1909. 473 с.
16. Комлева Е.В. Енисейское купечество (последняя четверть XVIII – первая половина XIX века) / отв. ред. Д.Я. Резун. М.: Academia, 2006. 384 с.

¹⁹ Там же. Ед. хр. 80. Л. 2, 19 об.

²⁰ ГАКК. Ф. 869. Оп. 1. Ед. хр. 1.

²¹ Там же. Л. 163.

17. Плотникова М.М. Иркутское городское развитие при сиби́рском генерал-губернаторе М. М. Сперанском // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. 2014. Т. 7. С. 32–43.

18. Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р. Очерки истории города Тары конца XVI – начала XX вв. Барнаул: Изд-во «Аз Бука». 2006. 188 с.

REFERENCES

1. Dityatin I.I. The century of St. Petersburg urban society 1775–1885. Saint Petersburg, 1885, 403 p. (In Russ.)
2. Kizevter A.A. Local self-government in Russia in the IX–XIX centuries: a historical essay. Moscow, 1917, 120 p. (In Russ.)
3. Pisar'kova L.F. Urban reforms in Russia and Moscow Duma. Moscow, 2010, 752 p. (In Russ.)
4. Lavrinovich M. Building the Empire's social foundations in the XVIII century: practices of legislation related to urban population and their Western European roots. *Ab Imperio*. 2002, no. 3, pp. 117–136. (In Russ.)
5. Dameshek L.M., Plotnikova M.M. Local government models in East Siberia (the late XVIII – early XIX centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015, no. 394, pp. 114–120. (In Russ.)
6. History of public self-government in Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries. Novosibirsk, 2006, 352 p. (In Russ.)
7. Shaherov V.P. Economics of a Siberian pre-reform city (based on materials of Baikal Siberia). Irkutsk, 2011, 256 p. (In Russ.)
8. Shaherov V.P. Socio-cultural processes in the urban environment of Baikal Siberia of the XVIII – early XIX centuries. Irkutsk, 2013, 256 p. (In Russ.)
9. Bykonya G.F. Krasnoyarsk in the first half of the XIX century. *Gorod u Krasnogo Yara. Documenty and materialy. Pervaya polovina XIX veka*. Krasnoyarsk, 1986, pp. 5–22. (In Russ.)
10. Rabtsevich V.V. A Siberian city in the pre-reform system of management. Novosibirsk, 1984, 197 p. (In Russ.)
11. Bulankov V.V. Late feudal Siberian city (population and economy of Yeniseisk in 1724–1822.): diss. Krasnoyarsk, 1998, 277 p. (In Russ.)
12. Bykonya G.F., Komleva E.V., Pogrebnyak A.I. Yenisey merchants in persons (the XVIII – early XX centuries). Novosibirsk, 2012, 316 p. (In Russ.)
13. Petrov A.V., Plotnikova M.M. Irkutsk: mayors and deputies, 1787–2014: biographical reference book. Irkutsk, 2014, 448 p. (In Russ.)
14. Plotnikova M.M. Forming the collective identity in East Siberian cities in the late XVIII – early XIX centuries. Irkutsk, 2014, 191 p. (In Russ.)
15. Kizevter A.A. City statement of Ekaterina II of 1785. The historical commentary experience. Moscow, 1909, 473 p. (In Russ.)
16. Komleva E.V. Yeniseysk merchants (the last quarter of the XVIII – first half of the XIX centuries). Moscow, 2006, 384 p. (In Russ.)
17. Plotnikova M.M. Urban development of Irkutsk under the government of M. M. Speransky. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014, vol. 7, Seriya Istoriya, pp. 32–43. (In Russ.)
18. Goncharov Yu.M., Ivonin A.R. Essays on the history of the City of Tara in the late XVI – early XX century. Barnaul, 2006, 188 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 28.09.2017